

М.И. КУТУЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Когда в 1813 г. известный писатель Август Коцебу обратился к Михаилу Илларионовичу Кутузову за материалами для биографии великого полководца, находившегося в зените своей славы и невероятной популярности не только в России, но в Европе, то он ответил так: «Что же касается биографий, то должен Вам сказать, милостивый государь, что моя скромность постоянно препятствовала мне подумать о своей, поскольку я никогда не ожидал какой-либо степени известности. Тем не менее, чтобы удовлетворить Вашу настойчивость, я попытаюсь собрать воедино кое-какие материалы, ускользнувшие из моей памяти, и не премину переслать их Вам, уверенный, что русский Плутарх, желая обессмертить деяния моих соотечественников, обессмертит и себя в этом новом роде своей деятельности»¹. Можно заметить, что Кутузов стремился разделить почести, выпавшие на его долю, со своими соотечественниками. Это не было пустой отговоркой. В сознании человека того времени его собственная польза и слава не существовали отдельно от пользы и славы своего Отечества. Действительно, выдающаяся личность - это национальное достояние. Человек, оставивший след в нашей истории, заслуживает внимательного отношения к фактам его биографии, потому что пренебрежение в подобном случае наносит ущерб не только отдельно взятому известному имени, связанному с нашим самосознанием, но и всей нашей истории.

Каждый, кто занимался изучением биографии полководца, знает, что в самом ее начале содержались вопросы, на которые, благодаря усилиям нескольких поколений исследователей, удалось ответить лишь на рубеже XX-XXI вв. Первый вопрос, который возникал после прочтения жизнеописаний знаменитого военачальника: как все таки звали мать великого полководца? Первый биограф фельдмаршала назвал фамилию Бедринская, Ф. Синельников полагал, что она происходила из рода Беклешовых, автор «Российской родословной книги» князь И. Долгоруков причислил ее к роду Беклемишевых. Ленинградский историк Ю.Н. Яблочкин попробовал разобраться в этом вопросе, в середине 50-х годов установив, что мать фельдмаршала звали Анной (Ил)Ларионовной и родилась она в 1728 г. Однако эта версия была признана малоубедительной ввиду того, что маловероятным представлялось, что и отца, и деда по материнской линии звали редким именем (Ил)ларион. Кроме того, Анной (Ил)Ларионовной звали и старшую сестру полководца. На первый взгляд, логичным казалось предположить, что здесь произошла некая путаница, поэтому, вероятно, возобладала версия, предложенная князем П.Ф. Долгоруковым в 1857 г., согласно которой мать фельдмаршала происходила из рода Беклемишевых. Этой же версии придерживались Ю.Н. Гуляев и Н.А. Троицкийⁱⁱ. Справедливо отвергнув «красивую легенду», на основании которой родоначальником рода Кутузовых считался дружинник Александра Невского Гаврила Олексич, авторы «предложили» в предки фельдмаршалу князя Дмитрия Пожарского, создав, в свою очередь, не менее «красивую легенду». Так, Ю. Н. Гуляев писал: «Дочь Федора Елизарьевича Ефросинья Федоровна Беклемишева вышла замуж за князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Таким образом, главные вожди российских войск в великие 1612 и 1812 годы происходили по женскому колену из фамилии Беклемишевых, т.е. находились в родстве по материнской линии. Удивительно, но этот знаменательный факт биографии двух прославленных русских полководцев остался незамеченным биографами М.И. Кутузова!»ⁱⁱⁱ На наш взгляд, более убедительными были сведения, опубликованные Л.Н. Макеенко, заведующей историческим отделом Псковского государственного историко-архитектурного музея-заповедника: «В 1991 г. в Великолукском архиве я натолкнулась на интереснейший документ,

датируемый 1808 годом, - „Просьба надворной советницы Анны Ушаковой об удовлетворении ее 9 тыс. рублей из доходов имения ее братьев майора Семена и генерала от инфантерии Михайлы Голенищевых-Кутузовых". В своей просьбе Анна Илларионовна упоминает имя деда своего по матери Лариона Захарова сына Бедринского». И в подтверждение своих земельных владений приводит более ранний документ от 1767 г., по которому ей, Анне, «в Гдовском уезде принадлежат земли, числившиеся за ее дедом Ларионом Захаровым сыном Бедринским, которые отошли к нему по выморочным книгам от его дяди Семена Филипова сына и бабки вдовы Авдотьи Ивановских-Бедринских»^{iv}. Эти же сведения Л.Н. Макеенко кратко изложила в 1993 г. в статье «О Голенищевых-Кутузовых на Псковской земле», снабдив разъяснением: «...Мать Анны Илларионовны, а следовательно, и Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова была из псковских дворян Бедринских. Выходит, что и мать и бабушка полководца были из одного рода Бедринских. Мать была дочерью Лариона Захарова сына Бедринского, а бабушка - дочерью Семена Бедринского, т.е. дяди Лариона Бедринского, о чем свидетельствуют приведенные выше сведения»^v. Однако редакция, вновь сославшись на П.Ф. Долгорукого, сделала примечание к этой статье: «Бабка М.И. Кутузова, происходившая из рода Бедринских, была замужем за Матвеем Ивановичем Голенищевым-Кутузовым. Мать М.И. Кутузова происходила уже из рода Беклемишевых»^{vi}. Сомнения редакторов можно понять: в семье полководца женщины из семейства Бедринских довольно часто выходят замуж за представителей рода Голенищевых-Кутузовых, кроме того получается, что у родителей полководца совпадает редкое, по нашим понятиям, имя (Ил)Ларион. Но, приняв во внимание, что на псковских землях проживало несколько ветвей рода Голенищевых-Кутузовых, находившихся к тому времени в весьма отдаленном родстве между собой, а имена детям давались по Святым, причем предпочтение отдавалось так называемым «семейным именам», совпадение уже не представляется невероятным. Присоединимся к мнению исследователя, специально изучавшего местные архивы: «сестра фельдмаршала не могла ошибиться в фамилии своего деда по матери»^{vii}. Итак, (Ил)Ларион Матвеевич Голенищев-Кутузов, 1717 г. рождения, был женат на Анне Ларионовне Бедринской, 1728 г. рождения, дочери опочецкого, псковского и гдовско-го помещика, отставного капитана Нарвского гарнизонного полка Ил(Лариона) Захаровича Бедринского.

Следующий вопрос, который возникает у исследователей: где родился М.И. Кутузов? Версии существует две: Петербург и Псковская земля. Биографический очерк Д.Н. Бантыш-Каменского начинается сообщением о том, что место рождения Михаила (Ил)Ларионовича - Петербург. Большинство историков и сейчас уверены в том, что будущий полководец уроженец северной столицы^{viii}. Но существуют сведения, что детство, из-за ранней смерти «нежной матери», он провел в имении деда и бабки, - «не то в Ступине, не то в Матюшкине, не то в Федоровском». Л.Н. Макеенко считает, что Кутузов родился на Псковской земле. «Объясню, почему, - пишет автор. - Илларион Матвеевич в это время занимался постройкой Кронштадского канала и находился в постоянных разъездах. Очень маловероятно, что он возил за собой беременную жену с грудной дочерью. Он мог ее оставить на попечение своих родителей. Но те и другие жили на Псковщине». Далее автор убедительно доказывает, что М.И. Кутузов мог увидеть свет в сельце Федоровском, которым владел его дед Матвей Иванович с 40-х годов XVIII столетия^{ix}. Как бы то ни было, вопрос о том, где родился великий полководец, в отсутствие документов так и остается открытым, хотя для нас более убедительной представляется версия о «столичном» происхождении Михаила Илларионовича: в те годы, когда Д.Н. Бантыш-Каменский готовил его жизнеописание, в Петербурге здравствовали прямые потомки Кутузова, которые не успели забыть обстоятельства жизни горячо любимого ими отца и деда. Не совсем понятно, почему биографы считают, что М.И. Кутузов лишился матери в младенчестве, едва ли не при его родах или вскоре после них. Ведь кроме сестры, вышеупомянутой

Анны Илларионовны, в замужестве Ушаковой, полководец, как говорилось выше, имел еще и брата Семена, 1752 г. рождения, и сестру Дарью, 1755 г. рождения. Правда, бытует версия о том, что отец полководца дважды вступал в брак. Но это предание убедительно опровергает Л.Н. Макеенко, приводя в своей статье выдержку из документа 1784 г., согласно которому братья Михаил и Семен Илларионовичи Голенищевы-Кутузовы выделили своей младшей сестре недвижимое имение «родного по матери деда нашего капитана Лариона Захаровича Бедринского»^x. Следовательно, оба брата и их младшая сестра, Дарья Илларионовна, имели общего деда. В этом случае резонно задаться вопросом: почему ни один из детей Иллариона Матвеевича ничего не унаследовал от рода Беклемишевых, если, по преданию, мачеха М.И. Кутузова в девичестве носила фамилию Беклемишева?

Десятилетиями не подвергалась сомнению дата рождения полководца - 5(16) сентября 1745 г. В метрических книгах церковью Санкт-Петербурга за 1745-1748 гг. сведения о дате рождения Михаила (Ил)Ларионовича отсутствуют. Тем не менее в середине прошлого столетия в примечаниях к формулярному списку М.И. Кутузова от 2 января 1791 г. оговаривалось: «Необходимо отметить, что хотя принято считать год рождения М.И. Кутузова 1745 год, данные формулярных списков не соответствуют этой дате. Так, в списке 1769 г. показано, что Кутузову в то время 22 года, в списке 1785 г., что ему 37 лет, в копии списка 1791 г. - 43 года, что соответствует дате рождения 1747 или 1748 г.»^{xi}. Ю.Н. Гуляев привел еще два документа, обнаруженные в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, подкрепляющие эту версию. Первый документ - «покорнейшее доношение» И.М. Голенищева-Кутузова генерал-фельдцейхмейстеру графу П.И. Шувалову от 17 апреля 1759 г.: «Имею я сына Михаила одиннадцати лет, который на первой указанный срок, имея тогда от роду седьмой год, Правительствующего Сената в герольдмейстерской конторе явлен, от которой для обучения российской грамоте отпущен в дом по 760 год до июля месяца»^{xii}. В другом документе уточнен срок первого «явления недоросля Михайлы Голенищева-Кутузова» в Герольдмейстерскую контору Правительствующего Сената: «754 года июня 26 дня». Порядок определения дворян в службу действительно регламентировался Указом 1742 г., согласно которому все недоросли, достигшие 7 лет, должны были являться на первый смотр в Герольдмейстерскую контору или в губернские города к губернаторам. После чего они возвращались домой, приняв обязательство ко второму смотру в 12-летнем возрасте обучиться грамоте. Следовательно, если в 1759 г. Михаилу Голенищеву-Кутузову было одиннадцать лет, а в день «первого смотра», как и положено - семь, то годом его рождения следует считать 1747 г. Но все гипотезы строятся не на метрических свидетельствах, а на основании арифметических вычислений, а в документах встречаются даты, соответствующие и 1745 г. В 1845 г. в Петербурге вышел сборник статей Н. Полевого «Столетие России», одна из которых была посвящена вековому юбилею М.И. Кутузову : «Сто лет - думал я, смотря на изваяние Русского воеводы - сто лет свершилось с того года, когда родился ты, муж великий! Сто лет, в которые совершил ты свои подвиги, и уже тридцать два года, как почил ты среди потухших громов!» А ведь в это время были живы дочери и внуки полководца, точно знавшие число, месяц и год его рождения! В семьях часто соблюдалась традиция записывать в Месяцеслов год, месяц и дату рождения родных и близких. Семья полководца, несмотря на домыслы современных авторов, была на редкость сплоченной, все благоговели перед главой семьи. В таких случаях дети обычно точно знают возраст своих родителей: дочери Кутузова поправили бы Полевого, если бы он ошибся в возрасте их отца. И не поторопились ли мы внести новую дату рождения полководца в энциклопедию «Отечественная война 1812 года», тем более, что, по словам биографов, юноша при зачислении в Инженерную и артиллерийскую школу «являл телесную красоту и совершенную дородность»?

До сих пор почему-то не привлекали должного внимания биографов обстоятельства, связанные с образованием М.И. Кутузова. Отец полководца был выпускником Инженерной школы и убедил своего сына в необходимости «правильного» военного образования. Здесь уместно обратить внимание на важный факт биографии будущего победителя Наполеона: М.И. Кутузов, если можно так выразиться, был «потомственным интеллектуалом». Тот, кто знаком с системой военного образования середины XVIII в., не может не признать, что такое явление как окончание отцом и сыном одного и того же учебного заведения - явление довольно редкое. 17 апреля 1759 г. генерал-полковник И.М. Кутузов обратился с прошением на имя графа П.И. Шувалова: «Имею я сына Михаила одиннадцати лет, который на первой указанный срок, имея тогда от роду седьмой год, Правительствующего Сената в герольдмейстерской конторе явлен, от которой для обучения российской грамоте отпущен в дом по 760 год до июля месяца. Того времени обучался сверх российской грамоте, немецкого языка с основанием, по французски, хотя несовершенно, говорит и переводит и в латинском грамматикой оканчивает и переводить зачал. Також арифметики и геометрии и фортификации один манер прочертил. И несколько рисовать, також истории, географии и которых наук, что принадлежат до артиллерии, яко то в арифметике, геометрии и фортификации. По прошению моему, а по ордеру Его Превосходительства от фортификации генерал-майора Муравьева, оной сын мой чрез инженер-капитан-поручика Шалыгина и освидетельствован. И как *оный сын мой ревностное желание и охоту имеет служить Ея Императорскому Величеству в артиллерийском корпусе* (курсив наш. - Л.И.), того ради Ваше Высокографское сиятельство всепокорнейше прошу, дабы повелено было означенного сына моего по желанию определить в артиллерийский корпус, а для обучения артиллерии и окончания наук отдать мне»^{xiii}.

Биограф полководца Ю.Н. Гуляев справедливо указывал на неточность, связанную со временем пребывания М.И. Кутузова в Соединенной артиллерийской и инженерной школе, ссылаясь в качестве наиболее показательного примера на монографию П.А. Жилина^{xiv}, в которой сообщалось, что Кутузов начал обучение в 1757 г. и досрочно завершил его в 1759. Однако приведенный выше документ (обнаруженный Ю.Н. Гуляевым) из архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи убедительно свидетельствует, что в 1759 г. будущий полководец был только зачислен в учебное заведение. Но прошение на имя графа П.И. Шувалова, сняв один вопрос, вызывает нескольких других. Почему отец, сообщив «о ревностном желании и охоте» своего сына служить в Артиллерийском корпусе, тут же забирает его себе «для окончания наук»? Более того, сам граф П.И. Шувалов, после «освидетельствования в науках» малолетнего Кутузова, не только не возражает против продолжительного отпуска, но даже распоряжается о его поощрении в ордере Артиллерийской и инженерной школы №1230 от 31 июля 1759 г.: «... Статского советника сына Якова Нартова, инженер-полковника сына Михайлу Кутузова... определить в Артиллерийскую школу. Того ради Артиллерийская школа имеет объявленных недорослей в ученики причислить и ведать, что данным от меня артиллерии господину и генерал-лейтенанту ковалеру Глебову ордером велено их для поощрения к наукам написать капралами, и ежели пожелают, для обучения артиллерийской науки на своем коште в отпуск в дом, то з данными пашпортами отпустить по ево рассмотрению». Отметим, что учить детей дома «дозволялось только тем, которые имели определенное количество душ (не менее 200. - Л.И) и которые поэтому считались в состоянии нанять учителей, и тем, дети которых обнаруживали особенно хорошие познания; но все-таки и для учившихся дома детей обязательны были явки на смотры к лицам администрации, смотря по месту жительства - в Сенат или к губернаторам-воеводам - в 7, 12, 16 и, наконец, 20 лет - для определения на службу; в первую явку дети только записывались; затем было определено, чему должно научиться между каждыми двумя явками, и следующую

домашнюю отсрочку получали только те, которые на смотре удовлетворяли узаконенным требованиям; за уклонение же от учения и смотров грозила каторжная работа или ссылка в Оренбург; были даже и случаи применения этих наказаний»^{xv}. Вероятно, у графа Шувалова не возникало сомнений в отношении успехов домашнего образования «недоросля из дворян» Михайлы Голенищева-Кутузова: согласно апрельскому прошению его отца, *мальчика привезли на экзамен на год и три месяца ранее положенного срока*: («отпущен в дом по 760 год до июля месяца»). По-видимому, Илларион Матвеевич ненадолго уехал с сыном к месту своей службы в Ригу, но уже 26 июня того же года генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов назначил инженер-полковника И.М. Голенищева-Кутузова в канцелярию Главной артиллерии и фортификации в Петербурге. 10 декабря 1759 г. граф П.И. Шувалов отдает очередной ордер по Артиллерийской и инженерной школе: «По представлению оной школы, артиллерии каптенармус Михаил Кутузов за его особенную прилежность и в языках и математике знание, а паче что принадлежит до инженера имеет склонность, в поощрение прочим, сего числа произведен мною в инженерный корпус первого класса кондуктором; о чем Артиллерийская и Инженерная школа будучи известна, имеет ему, Кутузову, сей кондукторский чин объявля, в верности службы привести к присяге и оставить по прежнему при школе, к вспоможению офицерам для обучения прочих». Обратим внимание на разницу в содержании двух вышеприведенных документов: согласно апрельскому прошению отца Кутузов-сын имел «ревностное желание и охоту» служить по артиллерийской части, а к декабрю он уже «паче что принадлежит до инженера имеет склонность». По-видимому, Илларион Матвеевич к тому времени передал сыну знания, которые он имел как выпускник Инженерной школы до слияния ее с Артиллерийской. Для обучения артиллерийскому делу он намеревался нанять подходящего преподавателя, но не успел, вернувшись в Петербург на два года раньше, чем предполагал, поэтому Кутузов-младший сдал экзамен за курс обучения в Инженерной школе. В любом случае, 1759 г. закончился для него более чем успешно. В этом убеждает история учебного заведения, где началась действительная служба полководца. Биографы Кутузова, ссылаясь на издания по истории 2-го кадетского корпуса, почему-то не обращали внимания на их содержание.

16 января 1712 г. Петр I издал указ об учреждении в Москве Инженерной школы, в которую предполагалось набрать до 150 учеников, из которых две трети должны были состоять из дворян^{xvi}. В 1719 г. в новой столице, Санкт-Петербурге, была учреждена Инженерная рота, куда были переведены все ученики, считавшиеся рядовыми до получения инженерных знаний. С 1722 г. рота стала называться Инженерной школой, где обучали не только арифметике, геометрии и тригонометрии, но и фортификации, а затем и гидравлике. Обратим внимание на сведения, имеющие для нас особую важность в связи с биографией нашего героя. Ученики, успешно освоившие курс наук, выносили из школы довольно значительный объем знаний, а те из них, *кто с успехом закончил курс наук, получали звание кондуктора в инженерной команде*. Таким образом, ордер графа П.И. Шувалова от 10 декабря 1759 г. подтверждает тот факт, что 14-летний Михайла Кутузов успешно овладел «обязательной программой» обучения. Если потом кондукторы продолжали образование на практике, то достигнув успехов, они производились в первый офицерский чин -инженерные прапорщики, а «если же ничему большему не научатся, то так и останутся кондукторами»^{xvii}, т.е. «инженерными вспомогателями» офицерам. Вероятно, была веская причина, по которой Илларион Матвеевич сразу взял сына «на свой кошт» до окончания курса наук: зная нравы многих воспитанников Инженерной школы, отец мог опасаться их пагубного влияния на своего сына. Так, автор «Исторического очерка 2-го кадетского корпуса» сообщал: «В Артиллерийской и Инженерной школах начальство требовало от воспитанников добросовестного отношения к учебным

обязанностям, как к службе, но затем нисколько не интересовалось их нравственным образом, совсем не обращая внимания на то, как они проводят свободное от занятий время; должно было только избегать скандалов, а затем можно было пить и вести компанию с кем угодно. Воспитание учеников не входило в программу»^{xviii}. Но в 1759 г., на исходе царствования императрицы Елизаветы Петровны, когда Михаил Голенищев-Кутузов, приняв присягу, поступил на службу в Соединенную артиллерийскую (существовала с 1731 г.) и инженерную дворянскую школу, там произошли важные перемены. Слияние двух школ в одно учебное заведение произошло 22 августа 1758 г. по инициативе графа П. И. Шувалова. Именно в то время, по мнению историков, туда «проник воспитательный элемент».

Граф Шувалов разработал и представил императрице проект преобразований, изложив в нем «твердые начала», которых следовало придерживаться в корпусе: «1) учреждением воспитательного учебного заведения удалить и охранить молодых людей, готовящихся занять офицерские должности в войсках от пагубного столкновения и влияния малообразованной и малонравственной среды... 2) уделить потребное время для общего умственного развития и образования воспитанников. избрав предметами обучения для этих классов, такие науки, которые. послужили бы способом к надлежащему изучению наук как военных, так и точных, прикладных наук; 3) дать потребное время и средства для приобретения молодыми офицерами надлежащей степени образования во всем его объеме и видах»^{xix}. По плану графа Шувалова предполагалось «корпусу состоять из низших кадетских классов, и высшего класса кадетских наук, и кадет выпускать на службу офицерами, а при каждой кадетской роте содержать и обучать солдатских детей, для пополнения ими унтер-офицерских, кондукторских или мастерских должностей»^{xx}. В корпусе должно было обучаться штатное число воспитанников - 272 человека. Штатные воспитанники получали обмундирование, амуницию и питание за счет казны. Сверхкомплектные ученики, в числе которых находился и М.И. Кутузов, допускались в корпус только на своем собственном коште («не определять сверх комплекта тех, кто не мог за недостатком себя содержать»); таких было в Соединенной школе всего 40 человек, а экзаменовать их должны были по одному артиллерийскому и одному инженерному генералу.

Таким образом, Кутузов поступил в корпус сразу на унтер-офицерскую должность с назначением жалования. Воспитанники корпуса могли занимать вакантные унтер-офицерские должности, но без права выпуска офицерами, не окончив высшего военного класса, и «вообще не пробыв в корпусе пяти, а в военном классе двух лет»^{xxi}. Курс наук в Артиллерийской и инженерной школе определялся способностями кадет: менее способные заканчивали учебу раньше, находя себе соответствующее применение в жизни, а более способные продолжали службу в кадетском корпусе. К последним и принадлежал М.И. Кутузов. В списке преподавателей школы за 1760 г. значился «кондуктор 1-го класса Михайла Голенищев-Кутузов, 14 лет»^{xxii}. При зачислении в корпус он благополучно миновал чины кондукторов 3-го и 2-го классов и теперь уверенно шел к офицерскому чину, сочетая преподавательскую деятельность с получением необходимых для производства знаний. Занимался он, согласно правилу, введенному Шуваловым, по индивидуальному плану, т. е. посещал только те занятия и тех учителей, которые были ему необходимы.

Учился он отлично; в формулярном списке за сентябрьскую треть 1760 г. отмечено, что «науку артиллерийскую, инженерную нарочито, языки немецкий, французский весьма изрядно знает и обучается с крайним прилежанием»^{xxiii}. К началу 1761 г. юному Кутузову удалось досрочно овладеть полной программой обучения в корпусе: 28 февраля 1761 г. после строгого экзамена он получил первый офицерский чин. Аттестат, подписанный директором корпуса артиллерии обер-кригскомиссаром М.И. Мордвиновым, свидетельствовал, что с 20 октября 1759 по 28 февраля 1761 г. он проходил службу в школе: «науку инженерную и

артиллерийскую знает; по-французски и по-немецки говорит и переводит весьма изрядно, по латыни автора понимает, и в истории и географии хорошее начало имеет; состоянии доброго и к перемене достоин»^{xxiv}. Выпуск в офицеры на действительную службу ранее положенного срока допускался только в том случае, «разве которые отменное пред другими знание получают» и не иначе как по рассмотрении самого генерал-фельдцейхмейстера. Экзамены в корпусе должны были происходить публично. Кадет, особенно отличившихся на экзаменах, поощряли следующим образом: «Если из таковых к выпуску подлежащих по особливой их пред другими остроте и прилежности предусматрится дальнейшая надежда к знатному просвещению в науках, то имеют таковые еще на несколько времени в классе оставлены быть и, конечно, не менее году или двух, смотря по обстоятельствам, и потом уже выпущены быть с награждением за науку еще одного ранга; буде же из оных кто способнейшим усмотрится по прилежности и наукам в кадетский корпус в офицеры, то и туда их производить»^{xxv}. В одной из последних биографий сообщается, что М.И. Кутузов, «исключенный из списков Артиллерийской и Инженерной дворянской школы 28 февраля 1761 г., убыл к новому месту службы»^{xxvi}. Однако на соседней же странице сообщается, что «по уже упоминавшемуся приказу графа П.И. Шувалова от 28 февраля 1761 г. инженер-прапорщик Михайла Голенищев-Кутузов направлен в Инженерный корпус на освободившуюся вакансию вместо Михайлы Можарова, убывшего в Сибирь с секретной экспедицией»^{xxvii}, из чего явствует, что он никуда «не убыл», но как «способнейший по прилежности и наукам» был оставлен служить в корпусе. По-видимому, его не очень-то устраивал такой поворот судьбы: вся его дальнейшая карьера указывала на то, что, получив образование и офицерский чин, он вовсе не хотел заниматься педагогической деятельностью. Он стремился в армию, но, по-видимому, его отец придерживался на этот счет другого мнения. У Иллариона Матвеевича была своя правда: для юноши 16 лет получить назначение в армию в мирное время - одно дело, другое дело - оказаться там в военную пору.

Биографы Кутузова никогда не обращали внимания на то, что период его пребывания в школе пришелся как раз на те годы, когда Европа переживала одно из самых затяжных и по тем временам жестоких военных потрясений - Семилетнюю войну, зачинщиком которой выступил король Пруссии Фридрих II. На исходе царствования императрицы Елизаветы Петровны Россия оказалась втянутой в масштабный военный конфликт не на своих окраинах, а в самом центре Европы, сражаясь не за насущный выход к морям, а против чрезмерного усиления соседней державы, чтобы, «ослабя короля прусского, сделать его для России не страшным и не заботным»^{xxviii}. Вдохновитель этой инициативы канцлер А.Б. Бестужев-Рюмин, надеясь на «пропорциональные» английские субсидии, «полагал, что все обойдется "весьма легким образом, а именно чужим именем и с подмогою чужих денег"»^{xxix}. Но, в отличие от России, Фридрих ждал войны и готовился к ней. К тому же, несмотря на упорное противостояние русских и прусских войск в битвах при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Кунерсдорфе, он имел в России немало поклонников, в числе которых был наследник Елизаветы Петровны великий князь Петр Федорович. Предвидя скорую кончину Елизаветы Петровны, сторонники великого князя действовали в соответствии со сводками о состоянии ее здоровья, сообразуясь с настроениями великокняжеской четы. Сторонников Фридриха II среди русского генералитета было гораздо больше, чем приверженцев австрийского союза. Илларион Матвеевич занимал в Петербурге достаточно высокую должность, чтобы быть в курсе событий на театре военных действий и слухов, которые их окружали. Вероятно, состояние здоровья Императрицы Елизаветы Петровны также не было для него секретом; к тому же историки утверждают, что Кутузов-старший был отмечен вниманием великой княгини Екатерины Алексеевны и пользовался ее «отличным уважением» до вступления на престол. Она вполне могла принять участие в семейном деле, дав совет побереечь юного и даровитого инженер-прапорщика. Действительно, только 1 марта 1762 г.

инженер-прапорщик Михайла Голенищев-Кутузов вырвался из-под крыла школьных наставников и сделал первые самостоятельные шаги в военной карьере. Биографы полководца, называя имена и даты, оставляли без комментариев исторический контекст событий, сопутствовавший раннему периоду службы. Следует обратить внимание на важное обстоятельство, с которым до сих пор не сталкивалось ни одно поколение служилых дворян. В отличие от своих предков, Кутузов получил возможность свободно выбирать судьбу: при желании он мог избежать всех неудобств и опасностей военной службы, а его первый офицерский чин мог стать для него последним. Всего за десять дней до нового назначения Кутузова, 18 февраля 1762 г., Петр III подписал знаменитый Манифест о вольности дворянской. Дворяне получили право «служить и выходить в отставку по собственному желанию, жить, где угодно, в России и за границей и учить детей, чему и как хочет»^{xxx}. На глазах юного Кутузова произошло событие, в корне изменившее представления многих дворян о «смысле жизни», где до сих пор основное место отводилось службе. Обнародование Манифеста совпало с окончанием боевых действий против Пруссии и подготовкой к войне против Дании в союзе с Фридрихом II. Многие русские военные были недовольны исходом затяжной военной кампании, плоды которой Петр III уступил прусскому королю, и поэтому спешили выйти в отставку. Для тех же, кто оставался служить, возникла возможность для быстрого карьерного роста: неспроста Михайла Голенищев-Кутузов сразу, в возрасте 1517 лет, занял должность «флигель-адъютанта ранга капитанского»^{xxxi}. Это, действительно, была новая историческая реальность, с которой трудно было свыкнуться военным старшего поколения, в памяти которого еще живы были суровые времена Петра I.

Начальник М.И. Кутузова, Петр Август Фридрих принц Голштейн-Бекский, являлся крестником Петра I и служил в русской армии с 1734 г., вступив в нее полковником. В 1738 г. он был уже генералом в армии фельдмаршала Миниха, императрица Елизавета Петровна в 1750-х годах пожаловала его генерал-аншефом с назначением директором Военной коллегии, ревельским губернатором. По воцарении Петра III едва ли не первым деянием российского монарха явилось пожалование родственнику чина генерал-фельдмаршала, а Фридрих Великий прислал ему орден Черного орла. Его положение еще более укрепилось с тех пор, как в Россию прибыл 21 марта 1762 г., оставив прусскую службу, еще и принц Георг Голштинский, дядя российского императора. Для молодых людей, подававших особые надежды, состоять при штабе высокопоставленных лиц в ту эпоху являлось своеобразной школой жизни, где они получали «навыки и опытность» к гражданским и военным делам. Судя по всему, принц был опытным администратором, но его происхождение не позволило ему долго находиться на занимаемой должности - в столице грянул государственный переворот «28 числа июня 1762 года, на престол вступила Екатерина II. Она была милостива к побежденным противникам: на третий день после переворота принц Георг с семейством смог беспрепятственно отправиться в Германию, а в августе был расформирован штаб принца Петра Гольштейн-Бекского. По его представлению Военная коллегия распределила «флигель-адъютанта ранга капитанского Михайлу Голенищева-Кутузова капитаном для определения в полк здешней команды». По-видимому, он пробыл в Ревеле дольше, чем это принято считать. Довольно неопределенная информация о переводе в действующую армию М.И. Кутузова содержится и в историческом анекдоте, попавшем во все биографии полководца, где явно объединились разновременные события: «Первоначальное внимание Северной Монархини к Кутузову, усугубленное лестными отзывами принца Голштейн-Бекского об отличных его способностях, было, наконец, довершено дальнейшими усилиями его оказать готовность свою на службу Отечеству. Во время путешествия государыни в Остзейские провинции, она имела многие случаи заметить в молодом, благовоспитанном, умном и расторопном офицере те воинские дарования, которые составляют славу Государей, надежду Отечества и

честь целого народа, и потому удостоила его лично своею благосклонностью. Отъезжая из Ревеля, она изволила спросить Кутузова: *желает ли он отличиться на поле чести?* "С большим удовольствием, Всемилостивейшая Государыня!" отвечал он со скромностию и заслужил улыбку Северной Монархини^{xxxii}. Когда и где именно состоялась эта встреча, выявившая намерения М.И. Кутузова покончить раз и навсегда со штабной деятельностью и служить под полковыми знаменами? Один из биографов полководца А. Петров, в конце позапрошлого столетия ссылавшийся на сведения фамильного архива, судя по всему, утраченного после революции, с уверенностью сообщал: «Через два года Императрица Екатерина II была в Ревеле, узнала Кутузова и, с свойственной ей проницательностью, оценила его способности»^{xxxiii}. Кстати, для этой легенды есть основания. Именно в 1764 г. Екатерина II «путешествовала в Остзейские провинции»: она посетила знаменитого герцога И.Э. Бирона в его курляндских владениях. В то же время есть свидетельство о том, что 21 августа 1762 г. он был произведен в капитаны и назначен командиром роты в Астраханский пехотный полк, а 31 августа того же года командиром полка был назначен полковник Александр Васильевич Суворов^{xxxiv}. Не станем придавать особого значения факту пересечения судеб будущих великих полководцев, отраженному в документе - историки давно поставили под сомнение возможность их «судьбоносной встречи» в то время. Бесспорно другое: армия приобрела в лице Кутузова образованного, исполнительного офицера. В его раннем послужном списке от февраля 1763 г., говорится: «В должности звания своего прилежен и от службы не отбывает, подкомандных своих содержит, воинской экзерциции обучает порядочно и к сему тщание имеет, лености ради больным не репортовался и во всем себя ведет так, как честному обер-офицеру подлежит...»^{xxxv}

Здесь перечислено лишь несколько событий ранней биографии полководца. Но даже их достаточно, чтобы убедиться в том, что все его жизнеописание построены по традиционному принципу: перечисление фактов из жизни М.И. Кутузова без особых попыток проанализировать их связь со значительнейшими событиями нашей истории, проследить за тем как эти события повлияли на становление характера, формирование мировоззрения, судьбу великого военачальника. Следовательно, мы по сей день имеем лишь вневременной портрет русского военачальника. Но, как заметил историк: «Вечное всегда носит одежды времени». Может быть, прежде чем подвергать победителя Наполеона жесткой критике, следовало бы сначала определиться с научной концепцией этой критики, обратиться к многочисленным источникам, изучить биографию М.И. Кутузова в историко-психологическом контексте эпохи, а не плодить новые версии, основанные на интуиции и бытовом здравомыслии современного человека?

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 293.

ⁱⁱ Фельдмаршал Кутузов: Ист.-биограф. очерк. С. 17; *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 53-55.

ⁱⁱⁱ Фельдмаршал Кутузов. Ист.-биограф. очерк. С. 17.

^{iv} Псковская земля: История в лицах. С. 76.

^v М.И. Голенищев-Кутузов: Материалы науч. конф., посвящ. памяти полководца. СПб., 1993. С. 90.

^{vi} Там же. С. 90.

^{vii} Псковская земля. С. 76.

^{viii} *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. С. 26. Фельдмаршал Кутузов: Ист.-биограф. очерк. С. 18; *Мелентьев В.Д.* Кутузов в Петербурге. С. 5.

^{ix} Псковская земля. С. 77-81.

^x Там же. С. 81.

^{xi} М.И. Кутузов: Документы. М., 1950. Т. 1. С. 2.

^{xii} Фельдмаршал Кутузов. С. 13.

^{xiii} Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. С. 13.

-
- ^{xiv} *Жилин П.А.* Кутузов. М., 1979.
- ^{xv} *Чечулин Н.Д.* Указ. соч. С. 55.
- ^{xvi} Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. С. 2.
- ^{xvii} Там же.
- ^{xviii} Там же. С. 18.
- ^{xix} Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 89.
- ^{xx} Там же.
- ^{xxi} Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. С. 83.
- ^{xxii} *Гуляев Ю., Соглаев В.Т.* Указ. соч. С. 29.
- ^{xxiii} Там же. С. 28.
- ^{xxiv} Там же. С. 30.
- ^{xxv} Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. С. 35.
- ^{xxvi} *Гуляев Ю., Соглаев В.Т.* Фельдмаршал Кутузов. С.30.
- ^{xxvii} Там же.
- ^{xxviii} Цит по: *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века. С. 142.
- ^{xxix} Там же. С. 145.
- ^{xxx} *Чечулин Н.Д.* Русское провинциальное общество. С. 63.
- ^{xxxi} *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Указ. соч. С. 31.
- ^{xxxii} Анекдоты или достопамятные сказания... С. 3-4.
- ^{xxxiii} *Петров А.* К биографии Светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского // Воен. сборник. 1900. №3. С. 3-4.
- ^{xxxiv} *Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т.* Указ. соч. С. 32.
- ^{xxxv} Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания. С. 16-17.